21 МАРТА 1990 ГОДА ГЕРОЮ ОЧЕРКА ИСПОЛНИЛОСЬ 87 ЛЕТ. В ТАКОМ ВОЗРАСТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — КРУГЛАЯ ДАТА. «НЕДЕЛЯ» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПЕВЦА.

ОЧЕРК БЫЛ НАПИСАН ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД. ПО НЕЗАВИСЯЩИМ ОТ АВТОРА ПРИЧИНАМ ОПУБЛИКОВАН НЕ БЫЛ. ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ.

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ

ПЕВЕЦ

На этой фотографии его не узнают даже те, кто поклонялся ему.

Старик бы молод когда-то. Он пел. В те времена певцы не давали по пять концертов в день под фонограмму, выкладывались в единственном.

Благословенное незапамятное время. Почти полвека назад.

Впервые я услышал, вероятно, не голос, а эхо. Звуки поселились во мне задолго до того, как я узнал первую букву. В доме был патефон, и этот голос звучал каждый день.

В войну на кухне, под столом, жило доверчивое существо — курица, она бродила там в потемках. Когда мы садились за пустой стол, она виновато затихала. Я стриг бумагу, скатывал шарики и кормил ее. Она клевала покорно, глядя снизу влажным, обидчивым глазом. Мы оба обманывали друг друга. Кажется, она не снесла ни одного яйца. Ни кормилица, ни иждивенка. Хотя какой обман, мы ведь ничем не могли помочь друг другу.

Так и осталось все вместе, едино — Заполярье, жмых, хлебные карточки, голос певца.

Недавно узнал вдруг: певец — жив. Два поколения выросло и возмужало с тех пор, ушли, канули в вечность певцы более молодые. Неужели?

Звоню в пространство — неведомое, чужое. Незнакомый глухой голос отозвался с того света:

— Ну что же, приезжайте.

На окраине России, на краю земли — в Магадане останавливаюсь перед дверью с медной табличкой:

КОЗИН
Вадим Алексеевич

Такой талант и такая странная, запутанная судьба. Родился в 1903 году, в Петербурге, в купеческой семье. Отец, Алексей Гаврилович, окончил академию во Франции, занимался коммерцией. Мать. Вера Владимировна Ильинская, цыганка, пела в хоре. Гостями дома были Анастасия Вяльцева, Надежда Плевицкая, Юрий Морфесси — знаменитейшие певцы начала века. Нетрудно догадаться, в какой атмосфере рос единственный в семье мальчик, которого окружали семь (!) сестер, все — младшие.

Смутное воспоминание: его, Вадима, нарядного, трехлетнего, везут в «Аквариум». На сцене разбиты шатры, стоят живые лошади, и среди цыган — тучная женщина, сидя в кресле, поет. Это его двоюродная бабка, легендарная Варя Панина.

Юношу исключают из военно-морского училища как сына купца. Через биржу труда устраивается в порту грузчиком, расклеивает по городу концертные афиши. Наконец, выходит на сцену рабочего клуба, под рояль и гитары поет цыганские и бытовые романсы. Его приглашают в лучшие кинотеатры Ленинграда «Капитолий», «Гигант», «Колос» — петь перед вечерними сеансами. Успех, слава оказались стремительными и прочными.

«Мой костер», «Газовая косынка», «Всегда и везде за тобою», «Дружба» («Когда простым и нежным взором»)... Козин сам пишет песни — «Осень», «Любушка», «Забытое танго», «Маша» — эти мелодии распевали всюду.

120 романсов и песен в исполнении Вадима Козина записали на пластинки. К этому рекорду довоенной давности до сих пор никто даже не приблизился. Его грамзаписи, выпускаемые массовыми тиражами, невозможно было купить.

Перед войной и в войну пластинки пережили трудное время: их сдавали на переплавку как сырье для оборонной промышленности. На пластинках же Козина ставился штамп: «Продаже не подлежит. Обменный фонд». Москвич Сергей Павлович Петров сохранил эти пластинки:

— Я Козина услышал в 12 лет, по радио. С тех пор потерял покой. Обменный фонд — это, значит, надо сдать пять битых пластинок да плюс за козинскую еще само собой, заплатить, а она стоила чуть не вдвое дороже. Я в Марьинском посторге покупал пластинки и тут же разбивал о прилавок: целые с обмена не принимали. Козин долго был единственным, кто не подлежал продаже, потом уже года через полтора-два добавили к нему шестерых — Изабелину Юрьеву, Утесова, Юровскую, Шульженко, Русланову, Хенкина. Ну что вы, это был голос! Его «Осень» еще не записали на пластинку, а уже толпы осаждали магазины.

Гипнотическая власть певца заключалась и в необыкновенном по тембру голосе, и в самом стиле исполнения, сохранявшем верность старой песенной культуре. Наследственный голос — кровное наследство — он соединил с наследством духовным. Он взял себе администратором Басманова-Волынского, старого аристократа, работавшего с Вальцевой. В конце тридцатых годов он разыскал гитариста, аккомпанировавшего еще Варе Паниной, попросил записаться с ним в паре на пластинку. Старик, обнаружив, что в студии нет большой акустической трубы времен его молодости, расстроился и записываться на современной аппаратуре отказался. С трудом уговорили на единственный романс — «Жалобно стонет ветер осенний»...

Они сотворили маленький шедевр: после романса без паузы полилась «Цыганская венгерка»: так исполнялось при Варе Паниной. Те, кто записывал романс, пережили небесные минуты.

...Мы сидим друг против друга, я пытаюсь уловить в глухом голосе старика прежние звуки его песенного серебра. Совместить молодой голос с нынешним обликом никак не удается.

ИЗ ПИСЬМА ВАДИМУ КОЗИНУ ОТ А. ИВАНОВА ИЗ ГОРОДА РУБЕЖНОЕ: «Я прошел всю войну — 22 ордена и медали. В самые трудные дни Вы будили у нас чувство любви. Ваши песни сопровождали нас на привалах, в блиндажах и даже на переднем крае».

Вспомним еще раз москвича Петрова, он тоже войну прошел. Под Оршей его тяжело ранило в голову и в живот, но и потом, после долгого госпиталя, он гнал врага до границы.

— Я этого певца в душе нес. Это какой-то слуховой гипноз. Я думаю — может, благодаря ему и жив остался. Ведь я пел, и мне жить хотелось. Не просто выжить или уцелеть, а жить.

Вспоминает Лидия Васильевна Паникаровская, тоже москвичка:

— Я, пятнадцатилетняя девчонка, экономила деньги на школьных завтраках, 15 дней не позавтракаю — билет на Козина. Останавливался он в лучших московских гостиницах, а шил ему лучший московский мастер Смирнов, кажется. Из гостиницы выходит — концертные брюки через руку несет, чтобы не помять. На сцену выходит — вся сцена сразу освещается, и на пиджаке — бриллиантовая звезда! Элегантный ни одного лишнего движения. Никогда со зрителем не заигрывал. О, как же мы все были влюблены в него! Но подойти к нему,— что вы, мы же слушали его, как Бога. Из гостиницы выходит его администратор, спрашивает: не видели Вадима Алексеевича? Мы говорили: он в магазин пошел, напротив. А в магазине уже нет его, там отвечают: туда-то пошел. Все всё знали, но — была дистанция. Однажды только, знаете... Мы с подругой поехали на его концерт в Орехово-Зуево. А после концерта — ливень, стоим у выхода, и администратор нас узнал, что-то сказал Вадиму Алексеевичу, он спросил: «Сколько же вам лет?» Мы соврали: «Восемнадцать». Он улыбнулся: «Садитесь в мою машину». Мы думали, он до вокзала подбросит, а он до Москвы довез. Больше я его никогда не видела. Началась война и я на продовольственную карточку вместо сахара попросила конфет, кажется, «Мишка», кажется, дали шесть штук. И я сказала маме: сейчас артистам тоже голодно, давай пошлем конфеты Козину. Потом вдруг получаю письмо из Горького... от Вадима Алексеевича. С гастролей. И благодарит, и ругает. А в конце: сидим с артистами в гостинице, смотрим на твои конфеты и думаем, что ты — уже взрослая... И скоро я на фронт ушла, госпитальной сестрой.

Людмила Стоянова, пианистка Мосэстрады:

— 22 июня мы, несколько артистов, слушали Молотова. Вадим Алексеевич тогда же сразу, сказал: все, надо срочно создавать фронтовые бригады.

Козин выступает в блокированном Ленинграде, в осажденном Севастополе, перед моряками Мурманска. На Калининском фронте он отправился на передовую, сбоку ударили немцы, машину опрокинуло взрывной волной, разбросало программки выступлений. Генерал, сопровождавший артиста, с трудом пришел в себя: он знал — певца очень любит Верховный Главнокомандующий.

Наиболее популярной и на фронте, и в тылу была исполняемая Козиным «Песня о двух друзьях» («А ну-ка, дай жизни, Калуга! Ходи веселей, Кострома»). Музыковед, фронтовик Л. Данилевич вспоминает в одной из книг, как под Смоленском в бой были брошены духовой оркестр воинской части вместе с джаз-ансамблем. Рядом с полем боя, бок о бок с теми, кто дрался в рукопашной, музыканты играли песню о двух друзьях. Вместе с участниками боя они получали потом боевые награды.

Почему-то когда мы говорим о песнях патриотических, массовых, то имеем в виду те, что можно петь миллионным хором, или марши, которые хорошо ложатся под ногу. А если лирическая песня предназначена каждому из этих миллионов в отдельности, если она ложится на душу, а не под ногу? Козинские «Любушка» или «Осень» разве не были в войну в высшей степени патриотическими? Более того, они стали как бы музыкальными символами довоенной мирной жизни. Фашисты, окружив Брест, безуспешно пытались склонить к сдаче в плен его защитников, их жен и детей; стараясь обострить их желание жить, заводили патефон, и вместе с «Катюшей» звучало и «Люба-Любушка, Любушка-голубушка».

Аккомпаниаторами Козина всегда были пианисты — вначале Аркадий Покрасс, Михаил Воловац, а затем, надолго, Давид Ашкенази, игравший прежде в провинции, в ресторанном оркестре (он пришел к певцу в гостиницу, попросил его прослушать, и, несмотря на ресторанную громкость исполнения, Козин взялся с ним работать). На сцену они стремительно выходили с противоположных сторон, и без объявления номера Ашкенази брал первые аккорды.

Вспоминает Лидия Васильевна Паникаровская, тоже москвичка:

— Я, пятнадцатилетняя девчонка, экономила деньги на школьных завтраках, 15 дней не позавтракаю — билет на Козина. Останавливался он в лучших московских гостиницах, а шил ему лучший московский мастер Смирнов, кажется. Из гостиницы выходит — концертные брюки через руку несет, чтобы не помять. На сцену выходит — вся сцена сразу освещается, и на пиджаке — бриллиантовая звезда! Элегантный ни одного лишнего движения. Никогда со зрителем не заигрывал. О, как же мы все были влюблены в него! Но подойти к нему,— что вы, мы же слушали его, как Бога. Из гостиницы выходит его администратор, спрашивает: не видели Вадима Алексеевича? Мы говорили: он в магазин пошел, напротив. А в магазине уже нет его, там отвечают: туда-то пошел. Все всё знали, но — была дистанция. Однажды только, знаете... Мы с подругой поехали на его концерт в Орехово-Зуево. А после концерта — ливень, стоим у выхода, и администратор нас узнал, что-то сказал Вадиму Алексеевичу, он спросил: «Сколько же вам лет?» Мы соврали: «Восемнадцать». Он улыбнулся: «Садитесь в мою машину». Мы думали, он до вокзала подбросит, а он до Москвы довез. Больше я его никогда не видела. Началась война и я на продовольственную карточку вместо сахара попросила конфет, кажется, «Мишка», кажется, дали шесть штук. И я сказала маме: сейчас артистам тоже голодно, давай пошлем конфеты Козину. Потом вдруг получаю письмо из Горького... от Вадима Алексеевича. С гастролей. И благодарит, и ругает. А в конце: сидим с артистами в гостинице, смотрим на твои конфеты и думаем, что ты — уже взрослая... И скоро я на фронт ушла, госпитальной сестрой.

Людмила Стоянова, пианистка Мосэстрады:

— 22 июня мы, несколько артистов, слушали Молотова. Вадим Алексеевич тогда же сразу, сказал: все, надо срочно создавать фронтовые бригады.

Козин выступает в блокированном Ленинграде, в осажденном Севастополе, перед моряками Мурманска. На Калининском фронте он отправился на передовую, сбоку ударили немцы, машину опрокинуло взрывной волной, разбросало программки выступлений. Генерал, сопровождавший артиста, с трудом пришел в себя: он знал — певца очень любит Верховный Главнокомандующий.

Наиболее популярной и на фронте, и в тылу была исполняемая Козиным «Песня о двух друзьях» («А ну-ка, дай жизни, Калуга! Ходи веселей, Кострома»). Музыковед, фронтовик Л. Данилевич вспоминает в одной из книг, как под Смоленском в бой были брошены духовой оркестр воинской части вместе с джаз-ансамблем. Рядом с полем боя, бок о бок с теми, кто дрался в рукопашной, музыканты играли песню о двух друзьях. Вместе с участниками боя они получали потом боевые награды.

Почему-то когда мы говорим о песнях патриотических, массовых, то имеем в виду те, что можно петь миллионным хором, или марши, которые хорошо ложатся

Подобные периоды обычно обозначают многоточием. Хотя почему не сказать как есть: он был осужден. В судьбах людей случаются срывы, заблуждения, роковые ошибки, тяжелые болезни, приводящие к печальным и даже трагическим последствиям. Оправданий за талант тут нет. Но то, что этим талантом создано и нами признано, то, что написано, изобретено, спето,— разве это все уже не стало нашим достоянием и разве не может служить нам и нашим потомкам, как служило прежде?

В его положении оказывались и прочие незаурядные личности, но они, многие, возвращались на родной порог, в прежний круг друзей — снова пели, конструировали, писали, возглавляли. Козин же в середине пятидесятых годов, будучи свободен во всех правах, решил остаться в Магадане. Он привык к городу, полюбил его.

Он остался здесь, и реальное забытье плавно перешло в нелегальное полузабытье, как бы полузапрет.

Его поселили в бараке. Не пел. Руководил самодеятельностью, вечерами коротал время в областной библиотеке, печатал на машинке списки книг, составлял карточки, работал с каталогами, отдал в библиотеку часть своих книг.

В ту пору прогорал областной музыкально-драматический театр. Его долги государству исчислялись в миллионах. На сцене бушевали страсти, а зал был почти пуст. И тогда шли в барачный дом. Старик выходил на сцену, садился за рояль, пел «Пара гнедых», и в зале творилось невообразимое... Билеты продавали даже в оркестровую яму.

Певца оформили при театре. Много сил отдал главный режиссер театра В. Левиновский, чтобы «пробить» выездные сольные концерты Козина.

— Сейчас таких певцов, наверное, уже нет — высочайшая и себе требовательность. Самоедство какое-то. Уже готова, кажется, песня — все, а он — «нет», и работает до изнеможения. Даже на репетиции не пел вполголоса. Программа кончится, он поет «на бис» столько, сколько сил хватает. И знаете, чтобы он хоть когда-нибудь, хоть раз рядился из-за денег — никогда. Бессребреник.

К певцу возвращается вторая молодость. Он исколесил Сибирь, выступал на Камчатке, Сахалине, на Курилах, в Приморье, Якутии, на Колыме. Он поет перед оленеводами, рыбаками, рабочими-строителями, моряками-подводниками. Он пел всюду, пел всем. Голос вырвался на волю.

Он (один!) вытащил областной театр из долговой ямы.

Николай Алексеевич Вертелецкий, магаданский таксист:

— Он у меня в машине пел — не поверите? Сел, спрашивает, давно ли я в Магадане. Ну я ответил. «О-о,— говорит,— это уже хороший город. И я давно». Тут только я узнал его и дал понять, что знаю. Он улыбнулся: «Я раньше знаете как пел! Но не здесь, не здесь...» С таким-то голосом, говорю, что же не пел?.. И тут он запел! Вот здесь, где вы сидите, мы кинотеатр «Горняк» как раз проезжали. О-о!.. Голос чистый, мощный, я думал — машину разорвет.

Мне рассказали, как в одном из городов, где выступал Козин, гастролировал прославленный московский театр, чуть не сплошь состоящий из народных артистов. В Москву, в Министерство культуры от театра полетела телеграмма: рядом с нами выступает Козин, отбивает всю публику.

Вероятно, это — легенда, но из тех, которые очень похожи на правду.

Но в печати, на радио, телевидении имя певца по-прежнему не упоминали. Как будто то, что не названо,— не существует. Нет ничего более дремуче-непроходимого, более прочного, чем нелегальный полузапрет. Не у кого спросить: почему?

Анатолий Поликарпович Бабушкин, начальник цеха радиовещания и звукозаписи областного радио и телевидения:

— Вадим Алексеевич пел, и я старался всюду его записывать. Но меня заставили все записи размагнитить. Был тут у нас один дурак... Такие записи уничтожили!.. Елки-с-палки, ну? Слов нет. Знаете, сколько старик дал Магадану, крою! Он столько хороших песен написал о Магадане. Но главное — это запас культуры, это бескорыстие в работе! Ведь знаменитости и нам, как относятся — провинция: три ставки заплатите, приеду. И обязательно чтобы за репетиции платили. Приехал к нам недавно знаменитый бас, тоже романсы исполняет, собой любуется. Музыкальный редактор — молоденькая, только-только училище закончила — приходит ко мне: «Может, вы примете запись?» Я говорю: «Нет, сами, без меня». Я что — технарь. Но, правда,— опыт десятки лет здесь до нее все записи принимал. Вышел я перекурить, и тут в коридоре — наши знатные гости. Аккомпаниатор спрашивает у баса: «Как думаешь, долго тут провозимся?» «Да не-ет,— отвечает,— тяп-ляп и все. Ты же видел, какой музыкальный редактор». Ах ты, елки-с-палки, думаю. Так обидно стало. Вошел в аппаратную, говорю: «Я сам принимать буду». И я их три часа гонял. А старика — жаль. Вы видели, как он живет?

Мы сидим в его квартире. Четвертый этаж, без лифта. Маленькая, темная квартира петербургского старьевщика. Все пылится, ветшает, рассыпается. Порядок здесь навести невозможно: пианино занимает чуть не полкомнаты. Над пианино — большой тяжелый микрофон еще военных времен, который присоединен к такому же старому магнитофону. Лежат на полке и две американские пластинки с его песнями, старику прислали их года три назад, но он еще не слушал их: нет проигрывателя. А магнитофонные записи, все, что напел он за свою жизнь и что удалось сохранить, все то невоспоминое, чему завтра не будет цены, все это лежит у него на кухне (в комнате не уместилось) — преет, рассыхается, умирает.

Старика, доброго, как ребенок, и доверчивого, часто обирали. Давно исчезла знаменитая бриллиантовая звезда, серебро и мельхиор столового набора сменил алюминий, и от старой петербургской библиотеки уже немного осталось. У него украли было даже старый магнитофон, но потом отыскался. Ценности он, собственно, не представлял, просто певец начал набирать силу, и местные завистники терзали его.

В день семидесятилетия старику в Магадан пришли горячие поздравления от Утесова, Шульженко, Раневской, Товстоногова, Баталова, дочери Шаляпина, дочерей и сына Сергея Есенина. В этот день певец волновался как никогда. Старик несколько раз бегал то в театр, где предстоял его юбилейный вечер (как аппаратура, где будет микрофон, как стоит рояль, откуда будет свет), то к себе на четвертый этаж (благо, его нынешний дом рядом), где лежал отутюженный новый костюм. Наверное, как подвела назад, он собирался выйти из дому, перекинув через руку отполированные брюки. Но, когда он перед самым торжеством последний раз прибежал домой,— костюма не было. Кто-то выкрал. Он успел привести в порядок старый.

Теперь он на пенсии. Им пользуются иногда, чтобы заманить на гастроли других знаменитых артистов (те и приезжают часто с условием, что им покажут Козина). Местные меценаты слово держат, просят старика не отказать поглядеть на него.

Вадим Алексеевич и мне не поверил, что я приехал к нему.

— Вы, наверное, в наш театр?— дважды спросил он.

Конечно, старику было бы приятно, если бы его навестил кто-то из бывших друзей. Судьбе было угодно распорядиться так, что на гастроли в Магадан приехал известный аккомпаниатор, пианист, который когда-то юношей из провинции осмелился войти в гостиничный номер певца и просить прослушать его; который играл по-ресторанному громко, но в котором певец почувствовал музыканта и с которым начал работать; с которым связали их потом долгие годы небывалого успеха; который... Короче, он не зашел к старику — этот талантливый и очень осмотрительный человек.

— Я давно уже не выступаю. Но вам напою пленку, на память,— говорит благодарно старик.— Я ведь, как вы приехали, каждый вечер делаю эвкалиптовую ингаляцию. Вот сегодня голос уже получше.

Каждый день он пробовал голос. Прежде чем бережно убрать покрывало с крышки старого пианино, прежде чем взять первые аккорды, старый тенор надевает галстук...

Старик один, одинок. За ним присматривает Зинаида Веретнова, соседка. Вечерами заглядывают друзья, немногие, но верные, кто-то что-то разогреет на кухне, кто-то поставит чай, помогают скоротать время.

Хозяин собой не очень занят, больше — кошками, их две, одну когда-то подобрал больную, другую — побитую, обе брошенные. Сейчас крупные, ухоженные, красивые. Точнее, одна кошка — Чуня, а другой кот — Бульдозер. «Мои дети»,— говорит старик. Он накрывает им стол рядом с собой — вместо скатерти стелет на ящик свои старые афиши, они даже едят по-человечески: из мисок лапами берут в рот.

— Ночью Бульдозер меня во сне двумя лапами обнимет, а передними в грудь толкает: места ему, видите ли, мало. Они так привыкли ко мне. Они, наверное, думают, что я тоже кошка.

Когда старику грустно, он, отрешившись, обхватив голову руками, сидит за столом. Сзади, на крышке пианино, устраивается Бульдозер и тихо трогает лапой плечо старика. Чтобы он очнулся, не грустил.

Когда-то у Бульдозера был прообраз. Где бы ни выступал певец — на фронте или в тылу, перед рабочими или руководителями держав, он ставил рядом с собой на рояль маленькую резиновую серую кошку. Ни единого концерта не состоялось без этого талисмана. О причуде певца знал весь мир.

В 1943 году в один из дней знаменитой Тегеранской конференции у Черчилля был день рождения. По этому случаю пригласили на концерт лучших певцов мира, отбирать их помогал сын Черчилля.

— Если вы сочтете нужным пригласить кого-то из нашей страны, мы готовы...— предложил Сталин.

В ответ было названо имя Вадима Козина. Сталин выразил неудовольствие, но согласился: «Я обещал...»

Об этой истории рассказал мне Юрий Борисович Перепелкин, знаменитый ленинградский коллекционер пластинок, яркий пропагандист старых песенных мастеров. За подробности не ручаюсь, но сам факт этот уникальный был. Из магаданского лагеря певца под конвоем привозят в Тегеран. Он выходит на сцену перед высокопоставленнейшими особами, направляется к роялю и ставит на крышку резиновую серую кошку.

Здесь же пела знаменитая до войны, и этому времени эмигрировавшая Иза Кремер. Она успела перекинуться с Козиным: «Другого случая у вас не будет. Подойдите к Черчиллю, хотя бы к сыну, попроситесь на Запад. У вас будет все — весь мир...»

Он отказался. О разговоре узнали, Козина сразу же после концерта, снова под конвоем, увозят обратно.

— Когда-то, перед войной,— снова вспоминает Вадим Алексеевич,— мы с Дунаевским были самые богатые люди.— Вспоминает об этом устало-равнодушно.

Старик читает всю центральную прессу, выписывает также молодежные газеты всех республик (по ним следит за современной эстрадой), иногда приобретает что-то из музыкальной литературы. На день, я посчитал, у него остается в среднем по два рубля — на еду и одежду.

В середине дня мы выходим в магазин, он берет масло, хлеб. «Рубль сорок с вас»,— объявляет кассирша. Старик протягивает ей рубль и отдает кошелек: «Возьми сама, я плохо вижу». «Вот,— кассирша показывает монеты,— сорок копеек беру». «Ишь ты, взяла восемьдесят, а говорит — сорок»,— лукаво ворчит старик, все вокруг смеются, кассирша улыбается, старик, довольный, отходит. Потом он ставит на прилавок бутылки из-под молока, продавщица дает ему рубли, мелочь. «Да отстань ты от меня со своей мелочью»,— старый петербургский аристократ отворачивается и идет к выходу.

Его любят здесь. И за бывший голос, и еще больше — за обаяние и беспомощность.

Гордый старик ни разу не пожаловался на житье. «У меня все есть». Что действительно волнует его, так это забытье и то, что угасает, как ему кажется, умирает старый романс в его истинном виде. Взять того же знаменитого певца — дальнобойный бас, который мимоходом пел в Магадане. Вадим Алексеевич деликатнейше просил романс «Ямщик, не гони лошадей» не объявлять, да еще по телевидению, ямщицкой народной песней.

— Этот романс написала баронесса фон Риттер у нас дома. Это был ответ на песню «Гони, ямщик, скорее вдаль».

Многие романсы, которые кажутся нам многовековыми, рождались при нем. «Ехали на тройках с бубенцами», «Только раз бывают в жизни встречи...»

— Это Борис Фомин написал, он мне еще аккомпанировал...

Старик разволновался.

— А романс «Глядя на луч пурпурного заката»? Почти все почему-то поют «Вы руку жали мне» вместо «сжали». Что же, он ей весь вечер руку жал? Ведь дальше-то что идет: «Промчался без возврата тот сладкий миг». Миг, мгновение! Не только не чувствуют, но и не думают, что поют. А «Коробейники» слышали? «Распрями-ись ты, рожь высо-ока» поют громко, изо всех сил, голос показывают, но ведь дальше-то: «Тайну свято сохрани». Вот так всю тайну и разорали.

Особенно опасно, когда песенное бескультурье несут в массы популярные, талантливые певцы. Тут одинаково опасно дурное в хорошем и хорошее в дурном.

Я прошу Вадима Алексеевича вновь поставить его старые записи. Голос на пленке звучит медленно, серебро течет по капле.

— Я ведь пою так, как пели цыгане Толстому, Тургеневу, Пушкину. Как пели в прошлом веке,— тихо говорит старик.— Они же медленно пели, чтобы время потянуть, выгадать: песен-то поменьше спеть, а денег взять побольше. Да, сейчас так уже не поют, к сожалению.

Да, не поют. Он — последний.

— Вы знаете... У Вари Паниной в Петербурге были намечены концерты. Ажиотаж! Но только один или два концерта всего состоялось, она заболела, уехала и тут же, почти сразу умерла. И ни один человек не вернул билет в кассы, ни один.

Старик не только поет, но и слушает себя особенно. Опустив голову, он впадает в совершенное забытье, на лице — скорбь. Не хватает кинооператора — заснять его в эти минуты, увековечить. В конце концов он принадлежит не Магаданской филармонии, а русской культуре.

У кинематографистов есть такой термин — «уходящий объект». Когда фильм еще не запущен в работу, но надо успеть, например, снять увядающую природу, съемочная группа просит в долг: «Просим разрешить снять уходящий объект в связи с тем, что...» Это может быть уходящая осень, улетающие журавли, отцветающий сад.

Режиссер ленинградец Владислав Виноградов снимает выдающихся старых мастеров. В фильме «Я помню чудное мгновенье», посвященном романсу, он замыслил снять и современного барда — Владимира Высоцкого. Шла весна 1980 года, Высоцкий тяжело болел, лежал в одной из московских больниц, обещал несмотря ни на что приехать. Режиссер задерживал фильм, представляя в оправдание больничные листы певца. Наконец, в апреле Высоцкий прямо из больницы отправился в Ленинград. Из рассказа музыкального редактора фильма Галины Мшанской:

— Как он доехал — немыслимо. У него даже не было сил голову помыть, мы помогли. Съемка проходила в БДТ. Володя рассказал немного о себе, о товарищах и спел «Кони привередливые». Съемка длилась всего двадцать минут, с него пот лился градом. До вечернего поезда у него не оставалось сил, мы отвезли его в аэропорт. Он был совсем плохой, приехал только потому, что обещал.

...Через несколько недель фильм был готов.

Режиссеру приказали кадры с Высоцким немедленно вырезать, а пленку — уничтожить.

Съемочная группа была в ужасном состоянии, перед певцом стыдно, после этого смотреть в глаза невозможно.

Смотреть в глаза не пришлось: через несколько недель Высоцкий умер.

Это была его последняя съемка...

В следующем фильме «Я возвращаю Ваш портрет» режиссер решил снять Вадима Козина. Ему запретили. Режиссер нашел выход, попросил рассказать о Козине Юрия Борисовича Перепелкина. В этом году исполняется ровно 50 лет «Музыкальным средам», которые он проводит у себя на квартире. В комнате, в коридоре, на кухне набивается до полусотни почитателей музыки. Лишь дважды за полвека прерывались «Музыкальные среды»: Перепелкин воевал и в финскую, и в Отечественную — с 22 июня и до 9 мая, день в день.

Конечно, Юрий Борисович с удовольствием рассказал для будущего фильма о довоенных концертах Вадима Козина.

Но этот рассказ руководство Лентелефильма предложило режиссеру убрать.

Когда же собственная история, в том числе и история культуры, чему-то научит нас? Когда научимся воздавать при жизни? Даже в урезанном виде фильм долго пылился на полках Центрального телевидения. Скончались, так и не увидев себя в этом фильме, Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Владимир Высоцкий (режиссер перенес сюда кадры его последней съемки), конферансье Лев Миров и Алексей Алексеев — старейшина эстрады, в фильме ему 96 лет.

...И журавли вновь прилетят, и сад зацветет снова, и осень вернется. Это-то все как раз не уходит навсегда.

Время неумолимо. Нельзя отменить Талант, как, впрочем, нельзя назначить быть талантливым. Время неумолимо. Вот уже сняты с пыльных полок фильмы Виноградова. Вот уже в телепередаче «Песня далекая и близкая» ведущие В. Левашов и Ю. Бирюков упомянули имя Козина, вот уже упомянула его одна из центральных газет. Хлынули письма. «Уж не тот ли Козин, который в 1938—1939 гг. приезжал к нам в Архангельск? Успех был огромный, сходили с ума... Е. Черноридкий, инвалид войны, г. Рига». «У меня даже дух захватило: неужели речь идет о прославленном исполнителе старинных песен и романсов? Как он сейчас живет?.. Ю. Соколов, г. Пенза». Москвич Н. Рябков отпечатал на машинке прямо на конверте: «Магадан, Вадиму Алексеевичу Козину. Точно адреса не знаю: уповаю на милость почтовых работников Магадана».

Стали понемногу петь козинские песни на эстраде, кто с упоминанием его имени, кто — без. В фильмах стало даже модным: чтобы показать атмосферу, дух предвоенного или военного времени, использовать мелодии Козина (конечно, без упоминания о нем). Полузапрет сменила полулегальность.

Время неумолимо берет свое, однако оно приходит не само по себе. Время — не циферблат, время — это мы.

Сколько писали, добивались поклонники Козина, чтобы имя его высвободить из небытия — годы, десятилетия! Вот что ответил недавно, в феврале, главный редактор Главной редакции музыкального радиовещания Г. Черкасов на просьбу участника войны Д. Дмитриева из Читы исполнить песни Козина по радио: «Репертуар и исполнительская манера артиста многим представляются старомодными и не имеют значительного интереса для широкого слушателя».

Давняя, от века, милая черта российского чиновничества: лгать правдиво не научились...

Другой почитатель Козина, М. Мангушев из Ростова-на-Дону (тоже и финскую прошел, и Отечественную), за то, что писал просьбы выпустить пластинку певца, получил выговор... Он был тогда военнослужащим, выговор через короткое время догадались снять, а он по-прежнему продолжал хлопоты.

Главные его почитатели — участники войны. Сейчас они на расстоянии (и во времени — полвека, и в пространстве — тысячи километров) поддерживают артиста, шлют ему лук, чеснок, свежие огурцы, апельсины, рыбу...

Он отвечает: «Спасибо, не надо, у меня все есть».

Москвич Петров, о котором шла речь вначале, который на фронте пел Козина и ему «жить хотелось», он прислал певцу в Магадан новый магнитофон. (Артист им не пользуется: больно для него сложен). Поклонница из Кустаная Евдокия Сергеевна Костырина (когда по пыльной дороге грузовик увозил на фронт ее мужа, по черному репродуктору на маленькой площади звучала козинская «Осень»), она, Костырина, попросила недавно у местного цыгана, работающего в коммунхозе, фасон цыганской праздничной рубахи. Сшила ее и отправила певцу — красивую, васильковую. (Но певец ее не носит, Костырина видела артиста только на довоенных портретах — молодого, могучего, и невысокому худенькому старику рубашка оказалась чуть не вдвое больше).

И Лидия Васильевна Паникаровская, та, что экономила на школьных завтраках, чтобы купить билет на концерт Козина, которая в войну послала артисту шесть конфет «Мишка», тоже не забывает своего кумира. Она шлет ему конфеты, печенье, чай, кофе. «Не надо,— просит он.— Пришли мне лучше свою нынешнюю фотографию: девочкой-то я тебя помню». Она в ответ снова шлет конфеты, чай. «Пришли же фотографию — какая ты сегодня?»

И она наконец прислала: с фотографии на певца смотрит девочка, медсестра фронтового госпиталя.

...Все они оказались достойными преемниками поклонников Вари Паниной.

— Мы не оставим его,— говорила мне Лидия Васильевна.— Если что... ну, вы понимаете, я уже договорилась с одним магаданским летчиком, через него я отправляю все посылки, я договорилась... если что... в общем, он похоронит его, как надо.

Мы сидим, пытаемся смотреть телевизор, но он, старый, трещит, мигает изображение, пропадает звук. Сердобольные поклонники в магазине предложили было старику уцененный цветной телевизор за сто рублей, но слишком уж был он подкрашен и ободран.

Размышляя о публичном одиночестве артиста, я думаю о том, что в свое время он внес в государственную казну больше, чем любой другой певец.

Всю жизнь он был народным, но не стал даже заслуженным.

Научимся ли воздавать при жизни?

Даже если бы сегодня организовать в Москве вечер Козина — любой зал не вместил бы желающих. Он мог бы, как никто, рассказать об истории и традициях старого русского романса. А главное — он еще поет, да — поет.

После недельной подготовки старик готов наконец напеть мне на прощание небольшую пленку. Он повязывает галстук...

Но забарахлил, загудел, засвистел вдруг магнитофон. Старик разнервничался, дозвонился одному из своих знакомых, тот приехал, оба долго возились, пока не привели все в порядок. И уже в первом часу ночи он снова сел за пианино. Серебро снова явилось к нему — чистое и сильное.

Мы успели еще раз послушать старые записи. Старик сидел, опустив голову. Устроившись рядом, на пианино, Бульдозер осторожно трогал лапой плечо старика, чтобы он очнулся, не грустил.

Прообраз Бульдозера — маленький талисман, высохший, потрескавшийся, смотрит из дальнего пыльного угла комнаты.

И журавли вновь прилетят, и сад зацветет снова, и осень вернется. Это все — не «уходящий объект», не уходящий...

Если бы эти впалые строки могли передать обаяние старых мелодий! Сквозь переливы редкостного голоса пробивается, все ближе, шорох, потрескивание.

...Это нищая моя кормилица доклевывает последний бумажный корм.

Фото Михаила Чепелова.